

Михаил
СЕРЕГИН

Последняя
ОХОТА

Вольный стрелок

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ЭКСМО

Вольный стрелок

Михаил Серегин
Последняя охота

«Научная книга»

2002

Серегин М. Г.

Последняя охота / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2002 — (Вольный стрелок)

За все надо платить. Эту жесткую истину Влад Свиридов испытал на себе и как раз тогда, когда решил закончить свою карьеру киллера. И кто же нанес ему удар в спину? Собственная жена. Мало того, что она торгует собой, так еще стала марионеткой в руках криминального авторитета Багра. Владу вновь приходится браться за дело. И тут-то он узнает, что ему мстят за прошлое. И мстит женщина. А что может быть изощреннее и безжалостней женской мести?

© Серегин М. Г., 2002

© Научная книга, 2002

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Георгиевич Серегин

Последняя охота

*Я брел с перебитой, как лапа,
душой,
С обидой, слепой и поганой,
Моля, чтоб хоть чуть от себя
я ушел,
Как раненый волк от погони.
Из злого капкана безжалостных
глаз
По крови своей выдираясь,
Я видел, как ты одиноко легла
У бездны, у самого края.*

Пролог

МАТЕРЫЕ ВОЛКИ: МОЛОДОЙ И СТАРЫЙ (1994 ГОД)

– Только и всего, Заур? – На загорелом точеном лице, как будто сошедшем с монеты, с чеканным профилем, жестко очерченным ртом и властным подбородком, выразилось недоумение, смешанное с легкой презрительной иронией. Владелец этого лица, молодой мужчина, едва ли достигший тридцати лет от роду, побарабанил по крышке стола длинными пальцами, гибкими, как у пианиста. – Я что, буду шантажировать эту дамочку, выжимая из нее деньги? Не проще ли выжать деньги из самого ее муженька, для чего, кстати, вовсе не обязательно прибегать к моей помощи?

Его собеседник, человек лет сорока пяти, откровенно нерусского типа, с вислым орлиным носом, оливковыми глазами и подбородком близкого родственника Бабы Яги, покачал головой и сказал:

– Ты, Володя, так не говори. Я понимаю, что ты раньше по таким мелочам не работал. Ваш отдел, пока не расформировали, кромсал тузов. Но сейчас «Капеллы» нет, ты вышел в отставку и внезапно оказался никому не нужен. А деньги тебе нужны: ты не привык к плохой жизни.

– Я? – Владимир усмехнулся. – Да если бы ты, Заур, перебивал хотя бы в половине тех передраг, куда меня заносило волей или неволей, то сомневаюсь, что ты сейчас бы сидел передо мной.

– Я это знаю. Ты у нас птица высокого полета. Хотя какая ты птица? Ты – волк, Володя. Чистильщик леса от падали. Это, конечно, звучит высокопарно, но это так.

– Не будем говорить о нашей зоологической принадлежности, – ухмыльнулся тот. – Ты у нас тоже явно не тушканчик из пустыни Каракум. Значит, мне нужно надавить на эту бабу, сказав ей о компромете спецслужб на ее муженька? Дескать, если она не даст денег, то мало не покажется. Ну, понятно. Говоришь, она богата? Ну... и сколько же мне с нее взять, Дауров?

– Пятьдесят тысяч долларов, – ответил тот. – Из них ты получишь половину. Для меня не так важны деньги, сколько необходимость прищучить эту мерзкую семейку.

– А для меня, по крайней мере, в данный момент – важны деньги.

– Тогда действуй, – сказал Дауров.

– Сначала я должен получить тот самый компромат.

– Вот он.

Владимир кивнул головой. Двадцать пять тысяч долларов ему были нужны как никогда, особенно если учесть, что на настоящий момент у него не было и пяти. Некоторое время он просматривал представленную информацию, а потом спросил:

– Насколько я понимаю, мне нужно выпотрошить из этой семейки все до копейки, так?

– Совершенно верно, – сурово ответил Дауров.

– А почему ты поручаешь это именно мне? Мог бы поставить эту задачу своим «бычкам», отдал бы им за работу не половину всей суммы, как мне, а, скажем, десять процентов.

– Опасная семейка у них, – отозвался кавказец, – волчья семейка. Не всякий справится. Ты же – безусловно справишься.

– Еще бы, – холодно отозвался Владимир. – А чем это они тебе так досадили?

– Были дела. Это в принципе несущественно.

Владимир кивнул головой: профессионал до мозга костей, он привык не вникать в не относящиеся к «теме» дела, исходя из принципа: меньше знаешь – целее будешь.

– Так что дело ничуть не опаснее, чем любое из тех, что ты проворачивал, когда работал в отделе, – сказал Дауров.

– Ясно. Мне звонить отсюда?

– А что медлить – звони отсюда.

Влад взял трубку телефона, но тут же положил ее обратно и повернулся к заказчику:

– Значит, волчья семейка, говоришь? Ну что ж, хоть волчья. У нас и такой не будет. Мы с тобой – волки-одиночки.

– Какие твои годы? – отозвался Дауров. – Глядишь, еще переменишься к семейной жизни. Это мне в самом деле поздно, да и незачем... А ты, Володя, еще успеешь, если что.

Владимир скептически покачал головой: верно, мысль о том, что когда-нибудь у него может быть семья и дети, показалась не слишком абсурдной.

Молодой «волк» снял телефонную трубку и, набрав указанный Зауром Дауровым номер, проговорил:

– Инна Алексеевна?..

ГЛАВА 1

СУЖЕННЫЙ С НЕБА

(2002 год здесь и далее)

– У-уй, йо-о-о...

Белая муть с кисельными размывами понемногу обернулась потолком, в углу которого неподвижно застыла, запутавшись в застарелой драной паутине, стрекоза. Афанасий Фокин, созерцающий эту картину в трясущемся калейдоскопе своего утренне-похмельного взгляда на мир, не мог поручиться за то, что эта стрекоза не является плодом его больного воображения. Или зрительной дисфункции. Но и совершенно исключить вероятность существования этого насекомого он не мог, благо в ушах кто-то жужжал, то усиливаясь до надсадного гудения, а то стихая до шороха волн, волочащих за собой мелкие камешки.

Афанасий решил приподняться, но кто-то самым возмутительным образом засадил ему в затылок тупую свинцовую чушку, он пробормотал невнятное ругательство и ухнул головой в подушку. Некоторое время изображал из себя циклопа, пораженного Одиссеем в единственный глаз, а потом пробормотал:

– А гы-де это я?

– Гыде-гыде... – передразнил чей-то полновзвучный голос. – В Караганде!

– Хар-ррош ругаться! Это самое... пошли вы все, урррроды!! – на автопилоте проскрежетал Фокин. – Это самое... ты чего, Влад?

В проеме двери возник высокий мужской силуэт, а затем до Афанасия донеслось:

– Не-е, ты, Афоня, как обычно, в своем репертуаре. Помнится, когда ты пару раз просыпался сначала в Мельбурне, а потом в Лондоне и Берне и спрашивал, дескать, где ты находишься? И я тебе в рифму отвечал: «В Караганде», и, что характерно, ты верил. А вот когда ты в самом деле находишься в Казахстане, в замечательном местном городе Караганде, то начинаешь посылать меня по вектору «вон отсюда, педераст!» и говорить, чтобы я прекратил культивировать табуированную лексику.

Фокин оторвал от подушки свою голову, будто сработанную из железобетонной конструкции, и отозвался:

– Ну, ты, Свиридов, не мути. И так ху... йе-о-о!.. худо, в общем, мне.

– Еще бы, – скептически отозвался Свиридов и выпил кефиру из картонной упаковки, которую он держал в руке. В горле и ротовой полости Фокина, где воцарилась пустыня Сахара, подул суховей. И Афанасий жалобно попросил... нет, не кефиру вовсе, а граммов этак сто холодненькой водочки с холодным же томатным соком.

Свиридов расхохотался, бросил Фокину на кровать еще одну, нераспечатанную упаковку кефира и сказал:

– Хватит пьянствовать, Афоня. Нас ждут великие дела.

– А что такое?

– Да ты что, забыл, что ты вчера женился?

Афанасий подавился кефиром и закашлялся так, что брызги полетели во все стороны.

– Кто женился? Как – женился? Я? Да сколько же это надо выпить, чтобы жениться? – Фокин выпучил глаза.

– Ну, думаю, хватило бы половины твоей вчерашней дозы, чтобы принять такое судьбоносное решение, – замысловато ответил Владимир. – Так что, Афоня... ты че делаешь-то, а? – спросил он, увидев, какими глазами, похожими на выпученные гляделки глубоководного краба, придавленного камнем, осматривает Фокин свои здоровенные ручищи.

– Кольцо ищу, – замогильным голосом ответил Фокин.

– Какое кольцо?

– Обру...чальное.

Свиридов расхохотался повторно, причем смех был куда более громким и заразительным. После некоторой паузы к хохоту Влада присоединился и сам несчастный страдалец, уже мнящий себя окольцованным и забранным в рабство какой-то абстрактной бабой, непременно толстой, жадной и сварливой, которая носит короткое и злое, как выстрел в голову, наименование: «жена».

Фокину и Свиридову в самом деле было над чем посмеяться. Ни один из них к своим тридцати четырем годам так и не удосужился завести семью. То состояние юношеской взвинченности, неуспокоенности, опьянения адреналином, что преследует каждого нормального азартного и по-настоящему молодого и горячего мужчину лет этак до двадцати трех, а то и двадцати пяти, не желало отпускать обоих и поныне. Это можно было назвать суровым и унижительным словом «инфантилизм», если бы не жесточайший и богатый жизненный опыт, вынесенный из множества таких ситуаций, которых с лихвой хватило бы на сотню жизней.

Свиридов понимал, что опьянение адреналином несколько затянулось, что давно уже пора перевести жизнь в иное, куда более спокойное русло, завести семью, детей, жить размеренной, предсказуемой жизнью. Понимал – но не принимал.

И даже когда он хотел перевести жизнь в другое русло, все просто рассыпалось, как карточный домик. И снова Влад оставался один, вернее, с Фокиным, вдвоем против всего бушующего и неверного мира, который так и не желал прогибаться под них.

Бродяги.

Они с Фокиным – просто бродяги. И этот синдром бродячей жизни не вытравить ничем, потому что так было заложено с ранней юности, почти с детства. Никакого постоянства. Скитания с места на место, жизнь «без берега и дна, все начинай сначала», как поется в популярной песне.

Люди с сотней масок вместо одного – зато собственного! – лица.

Одинокие волки.

...Буквально на днях Свиридов перечитал «Приключения Тиля Уленшпигеля и Ламме Гудзака» – эпопею о двух великих шутах и бродягах без семьи, без крыши над головой, без пристани – таких же перекаати-поле, как он, Влад, и его единственный и – никуда от этого не деться! – последний друг Афанасий Фокин. И тогда он подумал, что, вероятно, он и Афоня в самом деле похожи на тех двух знаменитых фламандцев – Уленшпигеля и Ламме Гудзака, – как поется в другой, может, не очень известной песне, «вечно молодых, вечно пьяных». Но у тех хотя бы была цель, была своя путеводная звезда, благодаря которой даже в шестьдесят лет бессмертный Уленшпигель пил «бокалы пенящейся страсти с лепестками росы пополам», как сказал поэт. Чувствовал себя мальчиком, приглаживая седину и разглаживая горькие морщины в углах глаз и рта.

А Свиридов... В свои тридцать четыре года он странным образом выглядел значительно моложе своих лет и потому размышлял, глядя на себя в зеркало, в точности так же, как думал про себя еще бессмертный лермонтовский Печорин: «Смешно предположить, но ведь по виду я, по сути, еще мальчик...» Это безмятежное лицо, холодные приветливые глаза, высокий лоб без единой морщинки, шелковистые темные волосы, в которых если и затесалась седина, то была умело зачесана другими волосами, закрепленными гелем.

Владимир Свиридов был именно таким мальчиком. Будучи, как уже сказано, тридцати четырех лет от роду, он выглядел максимум на тридцать, если не на двадцать восемь. И если и могло закрасться подозрение в том, что отнюдь не безмятежные годы, офис-менеджмент и тещины блины остались за спиной этого человека, то лишь по тому, как нервно шурил он свои чуть раскосые миндалевидные глаза (родом с Поволжья, чего же вы хотите?) и как время от времени кривился в жестокой усмешке его четко очерченный рот.

Под стать ему был его друг Афанасий Фокин, который отнюдь не являлся таким простецким рубахой-парнем, каким зачастую казался. Но о том, кем он был в действительности, Афанасий предпочитал не то чтобы умалчивать – он даже не вспоминал об этом.

И потому вполне естественно, что сообщение о собственной женитьбе показалось ему совершенно абсурдным, даже если накануне было поглощено немереное количество спиртного.

...Закончив смеяться над поисками обручального кольца, Свиридов махнул рукой и проговорил:

– Ну извини, Афоня. Подшутил я над тобой. Женился... Ну где уж тебе жениться? Ты даже за собой проследить не можешь, чтобы не безобразничать, а тут, не приведи господи, еще молодую жену пришлось бы кормить-одевать.

– Да уж, – вздохнул Фокин и облегченно отвалился на спину. – Шуточки у тебя, Свиридов...

– Да, шуточки у меня несмешные, – согласился Влад и, покрутив в воздухе указательным пальцем, добавил: – Тем более что мы вчера действительно гуляли на свадьбе. Причем на свадьбе твоей двоюродной племянницы, между прочим. Тебе не помнить это позволительно, а мне – нет. Потому что женился, конечно, не ты, а как раз я.

Фокин медленно поднялся с кровати и вперил в улыбающееся лицо Свиридова наливающийся изумлением и похмельно-остекленелой досадой взгляд...

* * *

Владимир Свиридов женился.

Он в самом деле женился, и его избранницей стала не умудренная богатым жизненным опытом красивая, властная и сильная женщина, а молоденькая двадцатилетняя девушка, приходящаяся родной дочерью двоюродному брату Афони Фокина. Нельзя сказать, что эта Наташа – «итак, она звалась Наташей» – была полной никчемностью, но и ничего выдающегося в ней не нашлось. В меру красивая, в меру смешливая, в меру глупая девушка. За Свиридова она вышла с тем же спокойствием и удовлетворенностью, с коей вышла бы замуж, скажем, за главного мясника центрального рынка или частного предпринимателя, торгующего хлебобулочными изделиями собственного производства.

Подобный мещанский подход к делу вполне устраивал Влада, тем более что Наташа, в канун замужества достаточно приземленное существо, не питавшее особых иллюзий и не лелеющее несбыточных мечтаний, желала того же, чего пожелал он: а именно завести семью. Полноценную, с детьми, распашонками и скандальным битьем посуды.

...Наташа Свиридова, в девичестве Буркина, в свое время мечтала слишком о многом, чтобы осуществилась хотя бы малая часть этих широкомасштабных планов и грандиозных замыслов. А мечтала она о многом потому, что ее угораздило родиться в захолустном пригороде Караганды. Для лиц, плохо знающих географию постсоветского пространства, поясним, что это находится не где-нибудь, а в Казахстане.

Родиться в Казахстане для русского человека, по мнению Наташи, было примерно то же, что для еврейского ребенка – появиться на свет в концентрационном лагере Освенцим.

Разве что не сжигают – да и то если не считать жуткого казахского солнца.

Окончив школу, она уговорила мать отправить ее к бабушке, которая жила в России, в городе с красивым названием Воронеж. Как известно, Воронежская губерния имеет несчастье находиться неподалеку от Казахстана. Здесь Наташа удачно поступила в институт, окончила его, перебиваясь с пятого на десятое и страдая от брюзжания бабки, пока сварливая, скупая и неуживчивая старуха не преставилась на восьмидесятом году жизни, к радости всех соседей и облегчению внучки.

После окончания вуза приехавшая в Воронеж мать настояла на том, чтобы дочь возвратилась в Караганду: дескать, нечего двадцатилетней девке жить одной.

Нина Сергеевна Буркина, почтенная матушка Наташи, всю жизнь проработавшая в какой-то занюханной библиотеке, искренне считала, что дочка должна жить в семье до самого замужества – и чтобы ни-ни! Когда Наташа возражала, говоря, что милая мамочка мыслит категориями прошлого века, Нина Сергеевна интеллигентно (по ее собственному разумению, конечно) поджимала тонкие губы и говорила, что она понимает все гораздо лучше Наташи, поскольку она, Нина Сергеевна, слава богу, образованный человек и не зря прожила свои сорок семь лет.

Наташа видела результат: из упомянутых сорока семи лет мамаша двадцать пять просидела в районной библиотечке в веселой компании с атлетичными тараканами, тремя или четырьмя учеными крысами, съевшими отправленное в запасники собрание сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса, а также картонными абонементом и ветхими полками, на которые беспорядочно набросали несколько сотен растрепанных книжек. Самым раритетным экспонатом в библиотеке, если не считать уборщицы Маришки, хронической алкоголички, ежедневно колотящей своего тщедушного мужа, считался однотомник Артюра Рембо, который шел нарасхват, благо казахстанские книгочеи думали, что это книжка про того самого Рембо в киношном исполнении Сильвестра Сталлоне, который залихватски кромсал во Вьетнаме нехороших русских коммунистов.

Отец, Михаил Иванович, был деспотичен и имел пристрастие к алкоголю (все-таки родственник Афанась Сергеевич Фокина!), полностью поддерживал супругу, а при очередном взрыве дочери говорил, что не ей, Наташке, учить мать и что ничего хорошего из того, что Наташка будет жить в Воронеже одна, не будет.

– Был я там, видел, – мрачно говорил он. – Блядь на бляди и блядью погоняет. В лесу даже...

– А сутенера, папа, куда пристегнешь? – рявкала Наташка и хлопала дверью своей комнаты.

После института она прожила в Казахстане полгода. А потом, плюнув на все и послав осточертевших родственников по известному адресу, умотала из Караганды в Воронеж, где у нее осталась квартира. Тайно от родителей продала оформленный на нее, а не на отца, железный гараж, в котором он хранил кучу всякого хлама и невольно создавал райские условия поселившимся там мышам.

А вот для отца переход гаража в собственность другого человека прошел отнюдь не так гладко, как для жирных хвостатых тварей. Обнаружив, что там копается совершенно другой мужик, он чуть не получил инфаркта, когда ему доходчиво пояснили, какой именно акт купли-продажи имел место быть совсем недавно.

Михаил Иванович ринулся домой, надеясь поймать коварную дочурку и указать ей ее место в этой дохлой казахстанской жизни, но выяснилось, что Наташа, пользуясь расхожей терминологией, «сорвала когти». Уехала.

Возвратившись в Воронеж, она вселилась в бабкину квартиру и зажила пусть бедной, иногда впроголодь, но свободной жизнью. Библиотечные тараканы, гаражные крысы и морально-этические лектории в исполнении папы-мамы закончились.

Свобода, независимость и диетическое голодание оборвались в один прекрасный ноябрьский вечер, когда на голову Наташи – в буквальном смысле этого слова – свалился Влад Свиридов.

В тот день Наташа возвращалась с работы – местного филиала радио «Европа плюс», где она работала ведущей. Она стояла на остановке и ждала троллейбус, который, как нарочно, задерживался. Наташа стояла и думала, что еще немного и она окончательно задрогнет на этом ветру, задувающим под старенькую дубленку, купленную еще на втором курсе. И что дубленку

надо менять, а еще забрать у соседки нутриевый полушубок, который отдала той на хранение еще покойная бабка. Да еще дома, кажется, нечего жрать, кроме пары-тройки анемично сморщившихся клубней картошки да супа быстрого приготовления.

После получаса тряски в консервной банке на колесах, забитой до отказа возвращающимся с работы народом, Наташа вывалилась из троллейбуса, пройдя по ногам граждан пассажиров, едва не порвав дубленку и получив в спину хлесткое:

– Куда прешь, шалава?

«Шалава» сделала несколько шагов по промерзшей земле, споткнулась, едва не упала и не сломала каблук, а потом зацокала в сторону своего дома, в котором не горело ни огонька: видимо, снова пожаловало всеерное отключение электричества.

Наташа машинально огляделась по сторонам: прямо за ней светилось огнями пятнадцатизэтажное белое здание гостиницы «Варшава», похожее на подсвеченный изнутри гигантский айсберг. Гостиница была одной из самых дорогих в городе, и уж, конечно, никто не стал бы портить отношения с владельцем гостиницы, знаменитым предпринимателем и членом городского законодательного собрания Гориним, который, по упорно всплывавшей в различных СМИ или просто в виде досужих сплетен информации, в соответствующих кругах был известен как вор в законе Багор.

Наташа вздохнула и уж было шагнула по направлению к дому, как вдруг раздался звон рассаженного стекла, а потом что-то глухо ухнуло в сугроб, наметенный к фундаменту гостиницы.

Наташа обернулась. Из внушительного сугроба в четырех метрах от нее торчали человеческие ноги. Причем характерно – босые. Особенно примечательным это обстоятельство казалось на фоне того, что на улице было минус двадцать.

Ноги подрыгались, Наташа, замерев, смотрела, что же будет дальше. В голову закралась обжигающая мысль, что, быть может, эти ноги бьются в предсмертных конвульсиях, как и все тело. Девушка подхватила бежать, но навернулась-таки и сломала каблук, который чинить было не на что. Тут из сугроба помалу выпростал свое длинное мускулистое тело молодой мужчина лет тридцати, находящийся в последнем градусе алкогольной лихорадки. Он был в одних шортах и, по-видимому, только что выпал из окна гостиницы.

– Э... п-пардон, – выдавил он, увидев круглые глаза Наташи. – Вы извините меня, мадам, что я не по эт... это... не по этикету одет. Просто мы с Афонеи си-вод-ни приехали из Варшавы навестить... вот. Попали, как говорится, как кур в ощи: из одной Варшавы в другую... «Варшаву».

– Вы выпали из окна? – осмелев, спросила Наташа.

– Совершенно верно подмечено – выпал.

– И... не ушиблись?

– Ни в коем случае! А выпал... это возмутительно досадное недоразумение, но меня извиняет то, что мы с Афонеи решили повторить бессмертный подвиг Пьера Безухова и российских гусар... Вы, конечно, читали «Войну и покой»?

– По... что, простите?

– А, пся крев! Я, конечно, хотел сказать – «Война и мир». Просто опять перешел на польский... Этот язык привязчивый, шипит, кусается, аки аспид.

Человек вылез из сугроба полностью, и Наташа получила возможность рассмотреть его повнимательнее.

Мужчина был красив особой чеканной красотой, к тому же сложен как античный бог, а на выпуклой пластине грудного мускула виднелась цветная татуировка в виде замысловато выписанного китайского дракона.

– Вла-а-а-ад!! – громыхнул сверху чей-то бас. – Ты чего там? Поднимайси-и-и!..

– Да погоди ты! – махнул рукой Влад.

– Ты проиграл пари... иди, у нас тут еще два литра ос-тало-ся!

– Да погоди ты! Я тут беседую, не видишь?!

Конечно, «беседовать» – это не самый подходящий глагол, дабы охарактеризовать общение между раздетым мужиком, по пьянке вывалившимся из окна гостиничного номера, и усталой, отходящей от испуга девушкой, досадно словившей каблук. Но тем не менее фраза Влада позабавила Наташу, и она рассмеялась:

– Как? Беседуем? Вы, верно, писатель-юморист? Михаил Задорнов? Владимир Винокур?

– Насчет Винокура не скажу, хотя к вину равнодушен, а что Владимир – верно. Это мое имя. А вас, конечно, зовут Наташа?

– Да. А почему вы так подумали?

– А просто я вспоминал «Войну и мир» и подумал, на кого же вывалился бы в окно Пьер, если бы он неудачно распил из горлышка бутылки шампанского, когда стоял на подоконнике? Ну, конечно, на Наташу Ростову!

Наташа рассмеялась.

– Вла-а-ад!! – заунывно позвали сверху.

– Ложись спать, алкоголик! – ответил Свиридов, зябко передергивая плечами. – Ух-х... холодно!

– Да уж, конечно... двадцать градусов все-таки, – заметила Наташа. – Знаете, Владимир, так и заболеть недолго, у вас же в номере стекло выбито... Лучше зайдите ко мне, я вас чаем напою, – неожиданно для себя самой продолжила она.

Владимир посмотрел на нее сбоку, склонив голову и почти коснувшись щекой плеча; в такой позе он почему-то напомнил Наташе ее попугая Гошу, улетевшего в форточку полгода назад, и она улыбнулась, вполне понимая, что делает какую-то невероятную глупость.

Откуда-то сверху звучала бодрячковая попсовая песенка: «Да-авайте выпьем, Наташа, сухо-вва вина... за то, чтоб жить стало краше-е... ведь жизнь одна!...»

– Согласен. Сухого вина не обещаю, а вот водочки для сугреву пропустить можно, – кивнул Владимир.

Наташа водку не пила, но, посмотрев на Влада, почему-то не стала говорить об этом и невольно поежилась:

– Ну что же вы стоите? Холод собачий. Я даже в дубленке замерзла!

* * *

В квартире Свиридов махом налил себе водки из брошенной ему Фокиным из разбитого окна гостиничного номера бутылки «Кристалла» и выпил одним глотком; потом обратился к Наташе, смотревшей на него с каким-то детским удивлением:

– Это самое... Наташка, а дай-ка мне какой-нибудь халатик, а то этот мой топless тебя, верно, доконал. Да и нижние конечности тоже.

Наташа засмеялась и выделила гостю старый вязаный бабкин халат, который был безразмерным и с равным успехом налезал как на тощее старушечье тельце, так и на мускулистые плечи свалившегося на Наташу с неба человека.

Свиридов погарцевал в «обновке» перед зеркалом, вызвав хохот Наташи, ввалился на кухню и начал выкладывать из полиэтиленового пакета, брошенного ему Фокиным вместе с уже упоминавшейся водкой «Кристалл», разнокалиберную снедь: колбасу «Золотая салями», две упаковки сосисок, кетчуп «Chilli», ветчину, несколько кружков плавленого сыра, копченый трупик курицы, пару тепличных огурцов, яблок и персиков, похожих на игрушки из детского отдела универсама.

– Вот, – сказал он, – закусим, что ли. У тебя микроволновка есть?

– Зачем? – встревоженно спросила Наташа.

– Ну... курицу, стало быть, разогреть.

– Нет микроволновки.

– Плохо, – констатировал Свиридов. – Ну ничего, будет. Все будет. А пока хоть на сковородке подогреем. Надо было этому болвану Фокину сказать, чтобы он курицу с сосисками в номере разогрел, а то ни хрена не делает, только водяру жабает... гм.

– Какой Фокин?

– А тот здоровяга, который нам сбросил все это. – Свиридов показал на продукты и притулившуюся на краю стола водку. – Мой друг и соратник, как говорится в некрологах. Афоня Фокин.

– А у меня бабушка по отцу – Светлана Афанасьевна Фокина в девичестве была, – сказала Наташа. – Забавно.

– Может, и родственники даже, – без особого энтузиазма сказал Влад. – Ну что, за знакомство?

Наташа не пила водки. Но за такое знакомство ей стоило выпить, потому что, как показало недалекое будущее, это знакомство перевернуло ее жизнь с ног на голову – так, как недавно торчал в сугробе этот, белозубо улыбающийся красавец.

И она выпила.

А потом было сумасшествие. Свиридов то ли был пьян, то ли что-то стронулось в его голове при падении в сугроб из окна третьего этажа. Он поднял на Наташу свои темно-серые глаза, то вспыхивающие, то тускнеющие, и говорил ей страшные, непонятные, пленительные и властно завораживающие слова. Если бы она знала его, Свиридова, жизнь, то бежала бы от него без оглядки, но так – так она слушала его задыхающийся чуть надтреснутый голос...

Он не видит никакого света в конце тоннеля и читал, что, когда человек умирает, его душа летит по некоему тоннелю, в конце которого разрастается зарево. Он то смеялся, то едва не плакал, то играл тревогу и смерть, а то рассказывал смешные байки из жизни, от которых в груди Наташи кувырвался непреодолимый смех. Допив бутылку, он побледнел до полотняного задушенно-синеватого оттенка и почему-то предлагал ей уехать подальше от этой страшной, дымящейся ужасом и ненавистью земли куда-нибудь в Барселону, к египетским пирамидам или в Венецию, в древнюю Спарту или к черту на кулички, но только прочь отсюда. Свиридов давно не помнил за собой таких жутких, ломающих самую его сущность порывов, которые заставляли кровь клокотать в жилах, а сердце сжиматься и сдавленно биться, как накрытая ладонью пичуга. Он уже не понимал, что говорит, но все-таки говорил, что фортуна наконец дала ему шанс, что наконец-то он может выпрыгнуть из истлевших мертвых бинтов своей холодной бесчувственной плоти и стать настоящим человеком, способным любить и смеяться, ненавидеть и восхищаться. А не играть любовь и смех. Ненависть и восхищение.

Она слушала его молча, она была пьяна не столько водкой, сколько им, Свиридовым, и по ее бледному лицу сложно было понять, что она думает. А по его лбу текли несколько струек пота, в полусумасшедших глазах, как пьяная цыганка в цветном платье до пят, плясала жуткая тревога: что ты скажешь на это?..

И вот в эту ночь они дали жизнь еще одному человеку: Димке.

Потом была свадьба в Караганде, три дня празднования, пьяные заморочки Фокина и все, все, все.

Глава 2

ГОД СПУСТЯ, ИЛИ СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ВЛАДИМИРА И НАТАЛЬИ СВИРИДОВЫХ

Утро началось с того, что коварный кот Тим, которого Влад именовал не иначе, как «замудонец» или «поросятина», прокрался в кухню и Мамаем прокатился по холодильнику. Неизвестно, какая тварь из числа породистых Мурок, приводимых к баловню Тиму для скоротечного секс-досуга, научила этого разожравшегося мерзавца открывать холодильник лапой – но только Наташа зареклась поставлять своему хвостатому любимцу девочек для забавы, как только вошла в кухню, привлеченная диким грохотом.

Паршивый котья сидел на полу, с ног до головы перемазанный в сметане и почему-то в кетчупе, держал в зубах здоровенный кусок ветчины и остоленело смотрел на то, как один за другим вываливаются пельмени из распотрошенной упаковки и падают в разлившееся по полу подсолнечное масло и майонез.

На самом краю нижней полки холодильника сиротливо топорщилась куриная ножка, варварски обгрызенная и разодранная Тимом.

Такого безобразия не позволял себе даже друг семьи Афанасий Фокин.

– Ах ты, паразит! – взорвалась Наташа и хотела было наддать мерзавцу хорошего пинка, как хитрый кот подпрыгнул и выскочил из кухни, оставляя за собой прерывистый след, выдержанный в «спартаковских» красно-белых цветах: белый – от сметаны и красный – от кетчупа.

– Какая скотина! Ну что ты будешь делать, какая скотина, а?!

В этот момент лязгнул замок входной двери, и в прихожую вошел муж Наташи – Влад Свиридов, вернувшийся с ночной смены.

...Род деятельности супруга всегда вызывал у Наташи смешанные чувства: конечно, высокие заработки и возможность жить на достаточно широкую ногу – это хорошо, но, с другой стороны, отлучки Влада, длящиеся порой по суткам и оставлявшие Наташку наедине с орущим и капризничающим почти годовалым сыном Димкой, порой доводили ее до тупого, оцепенелого, неврастеничного отчаяния, которое встречается у обеспеченных и не испытывающих нужды в деньгах женщин, не знающих, к чему же еще прицепиться. Бытовуха, пусть даже достаточно сытая бытовуха, раздражала Наташу все больше и больше.

Тем более – она не знала, чем занимается ее муж. Знала только, что, въехав в ее воронежскую квартиру, где в далекую зимнюю фееричную ночь их знакомства был зачат сын Димка, Владимир устроился на работу в охрannую фирму.

Она прошла по следам беглого кота и выглянула в прихожую: Влад снимал туфли и, когда Наташа взглянула на него подозрительным тусклым взглядом, швырнул их в угол.

– Сколько раз я тебе говорила, Володя, – не надо кидать обувь, – с места в карьер начала она. – Ты в прошлый раз поцарапал мне туфельку. И у другой чуть каблук не отломился, когда в нее твой лапоть пудовый зарядил.

Влад недоуменно взглянул на Наташу и произнес, потирая небритый подбородок:

– Ты чего это с самого утра на взводе?

– А ты посмотри, что там в кухне этот кот наделал! Еще хуже твоего Фокина, когда он на нашей свадьбе нажрался и чуть было не трахнул мою тетушку в прихожей, после того как принял ее за жареного поросенка!

– А что он там мог наделать? – хладнокровно произнес Влад.

Откровенное равнодушие, звучавшее в голосе мужа, взбесило Наташу. Она сжала губы и окинула своего благоверного далеким от восхищения взглядом. За последние полгода он

поправился на семь или восемь килограммов и превратился в массивную тушу, затянутую в узкие темно-серые джинсы и черную майку с коротким рукавом.

Владимир передернул атлетическими плечами.

– Пожрать-то что-нибудь есть? А то мы в ночной смене одни сникерсы поедали. И еще пирожки. Афоня приволок из дому. Из дому какой-то своей подружки, разумеется. Н-да... – протянул он, увидев последствия славных кошачьих деяний. – Не кот, а тунгусский метеорит какой-то. Я давно говорил, что его надо сбавить соседям, и дело с концом. Старуха их, Анна Игнатьевна, давно на этого замудонца глаз положила.

– Ты на работе был? – спросила Наташа, рассматривая новые и, очевидно, дорогие джинсы мужа, которых она еще никогда не видела, и черную футболку, обтягивающую его торс и выгодно подчеркивающую рельефную мускулатуру.

Еще полгода тому назад Наташа любовалась сложением мужа, выставлялась перед подругами: дескать, вот какой мне мужик достался фактурный, не то что ваши задохлики, которые ничего тяжелее бутылки пива поднять не могут. Теперь же она все чаще ловила себя на мысли, что не одна любит Владимира, имевшим весьма выигрышную внешность, особенно на фоне провинциального контингента, то бишь населения города Воронежа.

Услышав вопрос жены, совершенно очевидно, продиктованный недоверием, Владимир показательно рассмеялся и, вынув из холодильника съестное, до которого не успел добраться кот Тим, сказал:

– Да ты что, Наталья Михайловна, в самом деле? А где же я, по-твоему, был?

Наташа села напротив и сказала, сделав страдальческое лицо:

– Мне так надоело. Я все время одна. Такое ощущение, что ты забыл о моем существовании.

– У тебя что, деньги кончились? – спокойно отреагировал Влад.

– При чем тут деньги? – с раздражением бросила Наталья. – Деньги тут вовсе ни при чем. Ты даже Новый год не потрудился со мной встретить! Отправил в Таиланд под конвоем отморожков и одной шелудивой сучки.

– Ну что за выражения, Наташа? – поморщился Владимир.

– А сам тут пьянствовал со своим Фокиным! С ним ты времени проводишь раз в пять больше, чем со мной!

– Он же мой коллега.

Слово «коллега» было произнесено с издевательским французским прононсом, и это откровенно взбесило Наташу. Она глянула в упор на Влада:

– По-моему, тебе не надо было жениться, Володя. Как был раздолбаем, так и остался. Ты хоть бы о Димке подумал, о сыне, а?

– Вчера думал, – сказал Свиридов, отрезая себе кусок сыра. – А пиво кончилось, что ли? Ты не купила?

– Выпила!

– А я смотрю, что ты, верно, от пива и поправилась, Натуля, – глубокомысленно заметил Свиридов, окидывая цепким взглядом фигуру жены. – Короче, ты того... растолстела немного.

Наташино терпение лопнуло. Мало того, что этот бесчувственный чурбан шляется где-то больше суток, мало того, что кот перевернул кухню вверх дном, а Димка прожиг дыру в новой занавеске, так еще он, этот муженек, говорит ей, что она растолстела! Да разве можно говорить двадцатидвухлетней женщине такое?!

Она вышла из кухни, громко хлопнув дверью. Из комнаты послышался вопль Димки, и Наташа содрогнулась, вспомнив, что когда-то, наверно, миллионы лет назад, она желала этого ребенка всеми фибрами души и старомодно думала, что быть матерью – это очень приятно.

Она вспомнила день и час, который стал временной точкой отсчета для Димки, и подумала, что тогда Влад относился к ней куда более трепетно.

Или же сыграла свою роль оригинальность и пикантность их неожиданного вечернего знакомства, а потом магическое течение белой зимней ночи.

Вообще, надо сказать, что Наташа несколько разочаровалась в своем муже. В ту, первую ночь он показался ей необыкновенным и чуть ли не от мира сего. Тогда, ближе к утру, он напился и говорил ей такие слова, что у прагматичной девушки разрывалось сердце и плыли перед глазами старенькие, в желто-белую полосочку обои.

Теперь она успокоилась и... разочаровалась. Влад оказался вполне обыкновенным человеком, и она не улавливала в нем даже жалких искр от костра, бушевавшего в ту ночь. Нет, он не принц. Принцы не пьют до поросычьего визга и не живут в типовых девятиэтажках с видом на гаражный кооператив. А именно этот вид чаще всего мозолил глаза Наташе, которая безвылазно сидела дома с сыном.

А Владимир находил, что все это вполне в порядке вещей: дескать, замужняя женщина и должна сидеть дома и ухаживать за вопящим отпрыском, а по приходе благоверного встречать его поцелуем, вкусным ужином и заблаговременно подготовленной постелью.

Вот такой домострой.

Столь сердечное и благодарное отношение со стороны мужа сначала вызывало у Наташи недоумение, потом раздражение, а потом и откровенную ярость. Кроме того, Влад все чаще забывал о такой простой и естественной вещи, как исполнение супружеских обязанностей (звучит в протокольном порядке, но куда деваться: семья – это тоже в своем роде административный кодекс). Вероятно, избалованного любовью и желаниями многих красивых женщин Влада не приводил в сексуальный экстаз вид женушки в мятом халате, в тапочках, с вечно перекрашиваемыми от скуки волосами и – боже упаси! – фруктовыми масками, которые примерно раз в два дня делали ее личико похожим на рожи мертвецов из дешевых американских ужастиков.

Такое положение вещей, разумеется, совершенно не устраивало Наташу. Небрежные поцелуи по приходе, кривые усмешки в ответ на жалобы на одиночество, диетические секс-минутки, традиционно оканчивающиеся словами Владимира: «Я – спать. Завтра Афоня с Палычем просили пораньше прийти...» Все это казалось ей чудовищным.

И она прибегла к сильному средству: совету своей старой институтской подруги Ленки Любимовой, отъявленной феминистки и динамистки, тем не менее каждую неделю цепляющей себе нового мужика. «Все равны, как на подбор, с ними дядька Черномор», – так характеризовала она численность и качество мужиков, с которыми общалась в последние два месяца своей бурной жизни.

Кстати, о дядьках Черноморах: лицами мужского пола не первой молодости и кавказской национальности Ленка тоже не брезговала. Время от времени она рассказывала Наташке, приходя к ней в гости после двухнедельного или месячного отсутствия, что раскрутила очередного «спелого папика с пухлым лопатником» (т. е. бумажником) на поездку куда-нибудь этак на Мальдивы или по минимуму на колье или золотой браслет с камушками.

Наташка смертельно завидовала, когда Ленка ошеломляюще подробно живописала ей очередное приключение, а равно и особенности финансового благосостояния и анатомического строения дежурного воздыхателя. Завидовала, но – молчала.

Когда Наташа пожаловалась на Влада, Ленка грохнула по столу пухлым кулачком с тонкими пальчиками, унизанными дорожными кольцами, и воскликнула:

– Ну и клуша ты, Натаха! Вроде не всегда такая была. Помнишь, как мы на третьем курсе познакомились с французами и...

– Да помню, – смущенно перебила ее Наташка. – Я не о том. Что мне делать? Он же совсем...

– Что тебе делать? – Ленка плеснула мартини себе и подруге. – Что еще остается делать в таком случае, кроме как не завести любовника? Хотя бы по минимуму – одного, двух, трех...

– Да ты что, Ленка?

– А что? Ты думаешь, твой Вован себя блюдет в чистоте и непорочности, когда по целым суткам сидит со своим придурком Фокиным, твоим родственничком, на охраняемом объекте? Думаешь, они там в шахматы играют или книжки читают? Знаю я их книжки – «Пентхауз» с «Хастлером» полистают и потом телефон обрывают по досуговым агентствам. Телок заказывают.

Наташа мрачно пожала плечами: она смутно чувствовала, что Ленка в чем-то определенно права, но не хотела в это верить.

– Заведи себе любовника, – настойчиво проговорила Ленка. – Сразу жизнь ярче покажется. И Димке лучше будет – думаешь, если он маленький, так не чувствует, что ты все время в напряжении? Это потом может на нем отразиться.

– Любовника... да где я его возьму-то?

– Да первого встречного! Я имею в виду – первого встречного приличного мужика! Ты девка хоть куда, после родов еще лучше стала, раньше-то немного худовата была. Найдешь! А не найдешь, – Любимова хитро прищурилась, – а не найдешь, так я помогу...

И помогла. Познакомила Наташу со своим коллегой – Ленка работала в проектном архитектурном институте, – с миловидным молодым человеком по имени Леонид, которого иначе чем Лелик никто не звал. Хотя, надо сказать, ни малейшего сходства между одноименным каноническим героем Папанова из «Бриллиантовой руки», грубоватым, бурбонистым мужичком с диким выговором и оглушительным хохотом, и Леонидом-Леликом не было. Работничек из архитектурного института был долговязым, довольно неуклюжим, но очень милым неудачником, которого так и распирало обаяние. Лелик был так обаятелен, что сам этого стеснялся, будучи по природе довольно скромным человеком – и это обстоятельство придавало ему дополнительный шарм.

Наташке он понравился. Хотя при естественном развитии событий ничего бы не вышло. Но ушлая Ленка все обставила как надо: подпоила обоих по полной программе, утихомирила Димку, ловко поменяв ему пеленки, включила тягучую медленную музыку, от которой хочешь не хочешь появляются легкомысленные желания. Влад обещал прийти только к восьми утра, и Наташка купилась.

С тех пор и пошло...

Удивительная вещь – женская психология: даже сознательно изменяя мужу, Наташа убеждала себя в том, что ничего крамольного в этом нет, что она по-прежнему любит Владимира и не променяет его ни на кого другого. Что обаятельный недотепа Лелик – это так, для души. То есть, скорее, для тела.

Потом Наташа и вовсе перестала думать о мотивах своей измены Владу, привыкла.

Свиридов тоже, казалось, ничего не замечал: он все так же через день не ночевал дома, бывало, что и по две ночи подряд, щедро давал Наташе деньги, которые, конечно, не могли сравниться с финансами Ленкиных ухажеров, но тем не менее многократно превышали нищенскую зарплату Лелика в его архитектурном учреждении.

А потом рай кончился. Наташа почувствовала, что отчуждение между ней и Владом растет. Свиридов чувствовал то же самое.

Наташа вовсе не хотела выбиваться из ритма привычной жизни, не хотела ничего менять.

Первым, кто пострадал от новой волны тревог, накативших на нее, был, конечно, незадачливый Лелик. Он пришел к ней в гости и тут же получил от ворот поворот, а напоследок был напутствован сочным пинком в поясницу и грохотом захлопнутой двери.

Пришедшая на следующий день Ленка, смеясь, сказала, что у бедняги Лелика вообще был провальный день. Во-первых, у него украли портфель, в котором для воров не было ничего ценного, если, конечно, не считать проектные чертежи двухподъездного десятиэтажного дома с арочными окнами и новым решением подъездных комплексов, включающих в себя псевдо-рические колонны; во-вторых, мама Лелика обьяелась горохового супа и не пошла на работу из-

за проблем с пищеварением, что было равносильно извержению Везувия в масштабах отдельно взятой квартиры (не надо понимать буквально!); в-третьих, Лелик застрелял в лифте; в-четвертых... выходка Наташи с пинком в спину и была это самое в-четвертых.

Наташка выслушала все молча. Ленка смотрела на нее с растущим подозрением, а потом сказала:

– Ну, выкладывай!

После того как на институтскую подругу был вывален ворох подозрений и домыслов, склоняющихся к тому, что у Владимира что-то серьезное с другой женщиной или сразу несколькими и что он может бросить ее, Наташку, Ленка скептически протянула:

– Н-да. Я думала, ты умнее. А ты вон как к мужику присохла, к Володьке своему.

– Так у нас же сын!

– Ладно, хранительница семейного очага, – сказала Любимова, рассматривая подругу с плохо скрываемым сожалением, едва ли не презрением. – Придумаем что-нибудь. Значит, ты думаешь, что у него другая баба есть? Только не надо перечислять улики: помаду, духами там чужими пахнет... проходили. Ты вот что, ты его проверь.

– Проверить? Это как – следить, что ли, за ним?

– Ну да! Не самой, конечно, а то ведь ты сдуру из себя такую мисс Марпл вылепишь, емое! Для этого в цивилизованном обществе есть специальные детективные агентства. И у нас с некоторых пор появились. Недешево это, конечно, но ведь он тебе много денег оставляет, с голоду не пухнешь.

Наташка кивнула.

– Так найми себе детектива и следи за своим законным сколько влезет, – сказала Ленка. – Если даже что и обнаружишь, хуже не будет: мужики хотя и не любят, когда их кобелиную натуру вскрывают, но потом будет ходить тише воды ниже травы, да еще тебя благодарить, что ты его простила... Или думаешь над тем, прощать или нет! – кокетливо добавила Ленка. – Цену себе надо знать, Наташка, а не сидеть тут и чахнуть, как царь Кощей!

Вскоре у Наташи появился номер телефона агентства, и она назначила час, когда спец по отлову неверных мужей явится к ней домой и обговорит детали контракта.

Многие женщины сказали бы по такому поводу сакраментальное: нам бы ее проблемы.

Если бы Наташа Свиридова только знала, что эти большей частью надуманные тревоги, которые привели ее к звонку в частное детективное агентство «Сканер», – покажутся ей смешной и необременительной бытовухой в сравнении с тем, что обрушится на нее в самом скором времени.

А разгребать последствия измен и ревнивых фантазий жены предстояло ему – Владу Свиридову.

Глава 3

НЕСНОСНЫЕ ЛЮДИ ДЛЯ НАТАЛЬИ СВИРИДОВОЙ: ДЕТЕКТИВ КРАСНОВ, АРХИТЕКТОР ЛЕЛИК И ДРУГИЕ

Влад поел, побросал грязную посуду в мойку и, шугнув с дивана кота, завалился подремать.

По обыкновению, долго спать ему не дали. Зазвенел телефон, а потом почти синхронно запел свиридовский сотовый. Что характерно: по одному звонил Афоня Фокин, а по второму звонили по поручению Фокина.

– У меня дела, – объявил Свиридов жене, – на новый объект перекидывают, кажется. Так что ты, Наташка, меня извини, но мне идти нужно.

– Надолго? – буркнула она.

– Ну... на сутки как максимум. Хотя, может, поздно вечером и вернусь. Ну, если что, позвоню. – Влад попытался говорить максимально мягко.

Наташа отвернулась и произнесла:

– Возьми бутерброды. Я тебе приготовила. С сыром, с ветчиной и «Салями».

Влад посмотрел на Наташу не без удивления. Он ожидал основательного разноса за полное пренебрежение семьей, а получил только напоминание о бутербродах.

Свиридов хлопнул дверью.

А Наташа так легко отпустила его вовсе не потому, что смирилась с пренебрежением мужа. Просто на одиннадцать был назначен визит специалиста из детективного агентства.

Отечественные Шерлоки Холмсы не отличались пунктуальностью: звонок в дверь прозвучал не в одиннадцать, а четвертью часа позже. Впрочем, по сравнению с сантехником Витькой, который опоздал аж на сутки, плюс еще три часа (когда у Свиридовых потек кран), детектив из «Сканера» проявил просто вежливость королей.

Наташа открыла дверь и увидела невысокого молодого толстячка в светлой рубашке и светло-серых брюках. Гость имел довольно-таки простецкое круглое лицо, высокий лоб и светлые зализанные волосы, среди которых обозначилась уже порядочная лысина.

В руке он держал плоский чемоданчик, который, как поняла Наташа чуть позже, был вовсе никаким не чемоданчиком, а ноутбуком.

– Я из агентства «Сканер», – сказал толстяк глуховатым низким голосом, в котором проскальзывали ироничные нотки. – Вы Наталья Свиридова?

– Да... проходите, – сказала Наташа.

Откровенно говоря, она представляла себе детектива совершенно другим.

Во-первых, он не должен быть низкорослым и предрасположенным к полноте, как этот «сканеровский» сыщик. Наташа вообще не привыкла общаться с некрупными мужчинами. Влад был крупным мужчиной, а его лучший друг Фокин вообще подпирал затылком потолок и всецело соответствовал расхожему выражению: «какая глыба, какой матерый человечище». Наташин бойфренд Лелик был хоть и худ, но долговяз и хорошо сложен. По крайней мере, не был похож на нечто, состоящее из одних полушарий и закругленное даже со стороны спины, как этот визитер.

Детективно-разыскной колобок вкатился в прихожую, демонстрируя впечатляющую стремительность движений, цепким взглядом оценил видимую ему обстановку квартиры и только потом начал разуваться. Разулся он так смехотворно быстро, почти незаметно для глаза манипулируя шнурками, что Наташа невольно фыркнула.

– Моя фамилия Краснов, – сказал он. – Вот мое удостоверение.

– Пройдем в комнату, – предложила хозяйка.

Из детской послышался вопль Димки.

– Одну минуту, – сказала она. – Сын у меня там. Вы садитесь. Можете курить, если хотите. Вот пепельница.

Когда она вернулась – не через минуту, конечно, а где-то через десять, – то увидела, что толстенький детектив на полную катушку воспользовался разрешением курить: вся комната была затянута густой пеленой дыма. Наташа глотнула и невольно закашлялась. Гражданин Краснов явно предпочитал сигареты дешевых сортов.

– Я открою окно, – сказала она.

– Да, кажется, здесь немного накурено, – согласился он и затушил сигарету. – Но вы ведь говорили, что курить можно прямо в комнате?

– Да, конечно... курите. Я вентилятор включу, – с ироничной улыбкой отозвалась Свиридова.

– Угу, – буркнул гость. – Ну, я вас внимательнейшим образом слушаю.

Наташа быстро изложила ему то, что Краснов пышно поименовал «мотивацией к обозначению субъекта ведения и наблюдения». Наташа не стала лезть в дебри красновской лексики, а только протянула ему несколько заранее отобранных фотографий Владимира.

– Ого! – сказал он, быстро просматривая их. – У вас крупный супруг. Признаться, я предпочитаю работать именно с такими клиентами. А то был такой милый прецедент, когда заказали пронаблюдать за человеком на голову ниже меня, да еще худеньким и тощеньким, как будто его в детстве голодом морили и в угол ставили на сутки. Хотя хорошо кушать ему средства позволяли: в банке работал, и не на самой последней должности. Заказали. Так я с ним намучился по самое не могу: в толпу шмыгнет, и не видно его. По-моему, он среди трех первоклашек затерялся бы, как среди трех сосен, которые стояли на Муромской дорожке. Это из песни, знаете, Наташа?

– Да, – ответила она, недоумевая, когда же закончится этот поток беспричинного словоизвержения.

– Очень хорошо, – отозвался Краснов. – А потом этот бухенвальдский крепыш все-таки спалился на одной секретарше, которая, кстати, была корова, каких поискать. Я, когда снимки делал, просто не знал, куда его приткнуть в кадре: эта милая дама все пространство загромождала. Но я, кажется, немного отвлекся?

«Ничего себе – немножко, – подумала Наташа, – примерно так же немножко, как в комнате немножко накурено».

А вслух сказала:

– Все нормально. И когда вы приступите к работе, э-э-э...

– Моя фамилия Краснов, – напомнил гость. – Но, если хотите, можете звать меня Александр. То есть Саша.

– Когда вы приступите к работе, Саша?

– Тотчас по получении аванса, – последовал немедленный ответ. – И можете не сомневаться: после перемещения энной суммы дензнаков в мой карман вы получите подробнейшую информацию о времяпрепровождении вашего супруга – в самое ближайшее время.

Свиридова невольно улыбнулась, потому что свои слова подвижный как ртуть толстяк Краснов снабжал оживленной жестикуляцией, время от времени привставал на кресле и даже постукивал пяткой в пол.

– У вас там все такие? – спросила она.

Краснов изогнул бровь, такую же закругленную, как вся его особа:

– Какие?

– Такие... веселые?

– Вы, наверно, хотели сказать – болтливые? – засмеялся словоохотливый детектив. Она неопределенно пожала плечами, уже не скрывая ироничной улыбки.

– Болтливые, вот именно, – продолжал круглый Саша. – Тогда спешу вас огорчить: таких, как я, в агентстве «Сканер» больше нет. Там есть серьезный и положительный директор, злобный администратор, несколько в меру профессиональных детективов из бывших оперов, с профессиональным же чувством юмора, то есть без признаков оного. А таких, как я – нет. Наверно, наша секретарша воспылала к вам симпатией, если прислала к вам именно меня.

– Просто я подруга Елены Любимовой, – полушутя-полусерьезно проговорила Наташа.

– Леночки? Подруга Лены? А-а-а, ну тогда понятно! – Краснов расплылся в широчайшей улыбке, а потом сказал: – За Лену можно было бы организовать скидку, и я не делаю этого только по той простой причине, что ваш муж слишком крупный мужчина, чтобы экономить на нем средства. Вы не смотрите, что я так много разговариваю. Приятно пообщаться с красивой девушкой, которая к тому же много молчит. Когда я выполняю свои профессиональные обязанности, я говорю очень мало. У нас на работе был один болтун, – пустился в дальнейшие разглагольствования Краснов. – Его приставили к подозрительной дамочке, которая, по мнению ее мужа, изменяла ему направо-налево. Он должен был познакомиться с ней и предложить что-нибудь этакое... в общем, максимально склонять ее изменить мужу. Проверить на вшивость. Он пришел в частный спорткомплекс, куда эта дамочка ходила на шейпинг и на тренажеры, и стал подкатываться. Мелет себе языком и мелет, говорит: а что, если устроить совместный вечер со сладким продолжением? Та вроде и не против, но тут к нашему парню подкатили огромные амбалы и таких кренделей навешали, что тот до сих пор лечится. Оказалось, что хозяин этого спорткомплекса крутит с дамочкой любовь. Вот такой ценой приходится отрабатывать свои деньги! – закончил детектив, пересчитал врученный ему Наташей аванс и кивнул: – Очень хорошо. А теперь, – он раскрыл свой ноутбук и, пройдясь пальцами по клавиатуре со скоростью опытного наборщика, поднял глаза на Наташу, – мне хотелось бы получить о вашем муже короткую информацию: место работы, привычки, пристрастия, друзья – ну и так далее...

* * *

После ухода детектива несколько развеселившаяся Наташа покормила Диму, уложила его спать, выудила из-под дивана забившегося туда кота, перепуганного сначала рыкнувшим на него Свиридовым, а потом непрерывно трещащим Красновым, устроившим в придачу еще и дымовую завесу.

Не успела она лечь на диван вместе с единственным оставшимся в доме взрослым мужчиной, то бишь котом Тимом, как в дверь снова позвонили.

– Кого это черт принес? – вслух произнесла Наташа и лениво побрела открывать.

Черт принес не кого-нибудь, а чем-то в высшей степени довольного Лелика. Его голубые глаза весело блестели, губы разъезжались в нелепейшей улыбке, а на голове топорщился непослушный мальчишеский хохол.

В руках Лелик держал бутылку вина и букетик цветов.

– Ну ты даешь, Ленечка! – сказала Наташа. – А если бы Вова, мой муж, был дома и открыл бы тебе сам? Ведь он мог сегодня остаться!

– Да? – ничуть не обескураженный первыми словами Наташи, проговорил Лелик. Взгляд его сиял, а по длинному бледному лицу пробежали сполохи неподдельной радости, какого-то полудетского ликования. – Правда? Ну... я тогда бы сказал, что ошибся квартирой. Не туда позвонил.

– Ну да, – улыбнулась Наташа. – А на самом деле ты собирался к нашей соседке...

– Ну да!

– Милейшей Анне...

– Ну вот!

– ... Игнатьевне, пятнадцать лет тому назад вышедшей на пенсию и теперь выгуливающей трехлетнего внука и воспитывающей собачку. Или наоборот, – договорила Наташа и уперла руки в бока.

Лелик сдулся, как проколотый резиновый шарик.

– Ты что, не рада меня видеть?

– Да заходи, господи! – сказала Наташа. – Не торчи в дверях. А то в прошлый раз эта противная Анна Игнатьевна со своим чудовищным псом тебя чуть было не заметила.

Лелик ввалился в прихожую, попутно отдавив Наташе обе ноги, сунул свой букетик ей куда-то в подмышку, а потом, едва не уронив бутылку вина, влетел в комнату. Свалился в кресло и проговорил:

– У меня прямо день на день не приходится. Полосатая какая-то жизнь. Вот. Позавчера у меня...

– Что было у тебя позавчера, я знаю, – сказала Наташа, садясь в кресло напротив него. – Ленка заходила, рассказывала. Зря я тебя позавчера так круто. Просто попал ты, Лелик, под горячую руку.

– Я не Лелик, я Леня, – отозвался тот.

– Ну да. А сегодня-то у тебя что произошло, дорогой, что ты просто цветешь и пахнешь?

– Пахнешь? А... это я туалетную воду новую купил. Вот. Мне же премию дали. – Лелик покрутил головой, очевидно, ища, куда же он, собственно, поставил бутылку вина, потом встал с кресла и сообщил:

– А еще у меня сегодня мама уехала. На две недели. К сестре в Липецк.

Вероятно, таким тоном говорил бы выпущенный на свободу заключенный, амнистированный в связи с государственным торжеством, подумала Наташа. Мамы Лелика она не видела, но знала, что он боялся ее куда больше второго человека в своем рейтинге фобий – директора своего института Михаила Валерьевича и третьего – экс-мента и буйного алкоголика Денисьева из соседней квартиры, время от времени напивавшегося до такой степени, что он мнил себя Феликсом Эдмундовичем Дзержинским и пытался арестовать соседей по лестничной клетке.

– Так что я сегодня совершенно один, – продолжал Лелик. – На работе мне вручили премию и отправили отдыхать. Там какому-то толстосуму очень понравился мой проект загородного коттеджа. Вот меня и это...

– И какая же премия, ты, Растрелли воронежского разлива? – улынулась Наташа.

– Четыреста рублей! – гордо ответил Лелик, а потом выудил откуда-то искомую бутылку и начал крутиться снова – вероятно, на этот раз уже в поисках штопора, которым эту бутылочку, стало быть, можно открыть.

Наташа вздохнула: вроде бы взрослый человек, квалифицированный, талантливый специалист в своей области, а довольствуется крохами с барского стола. Это подумать же: премия в четыреста рублей за проект коттеджа! Если бы у нее, Наташи, были выдающиеся данные в какой-либо области, она бы вела себя иначе, чем этот простодушный обаяшка Лелик. Вот Ленка, она и не корчит из себя великого архитектора, и не кропает за гроши гениальных проектов, по которым строят новорусские дворцы, – она сама строит. Строит мужиков, причем так, что те только попискивают и кладут к стройным Ленкиным ножкам свои фунты, баксы и «Визы Голд».

– Ну хорошо, давай выпьем за твою премию, чудо-архитектор, – сказала Наташа.

Выпили. Лелик наполнил бокалы и хотел уж было родить какой-нибудь незамысловатый тост, как вдруг в дверь позвонили.

Бедняга Лелик подскочил, едва не разлив вино, и пробормотал:

– Это кто... твой Свиридов, да?

– Нет, у него ключи. А когда он их забывает, то звонит совсем по-другому. А однажды он просто булавкой замок открыл. За несколько секунд. У меня дверь захлопнулась, а ключи внутри остались. А он в этот день вообще ключи дома забыл. Я думала, что дверь ломать придется, а он пришел, причем выпимши, да и открыл дверь булавкой за полминуты. Если не быстрее.

– Как? – спросил Лелик и щелкнул зубами. Ему приходилось видеть мужа Наташи, мускулатура и габариты Влада, а равно и информация о том, что тот является сотрудником серьезного охранного агентства, восторгов у сотрудника архитектурного института не вызывали.

Наташа нервно усмехнулась и сказала:

– Как-как? Быстро! Я у него еще спросила: ты что, Володя, раньше взломщиком работал?

– А кем он рабо... ой, опять звонят!

– Откуда я знаю, кем он раньше работал? – с досадой сказала Наташа. – Вроде в армии служил. Хотя что-то не похож он на серого армейца. Ладно, пойду открою. Может, соседка что спросить пришла. Утюг там или еще что-нибудь. Ты посидишь или в шкаф тебя прятать?

– Посижу...

* * *

Наташа открыла дверь и – ахнула.

Перед ней высилась массивная фигура, не уступающая габаритами ни Владу, ни его другу Афоне Фокину, но более бесформенная и одутловатая. На массивных покатых плечах сидела здоровенная лобастая голова, круглая, как луковица, с широким красным носом и огромной, от лба до затылка, сияющей лысиной. Черты лица чем-то смахивали на фокинские.

На госте были пропыленная рубаша с закатанными по-простецки рукавами и тренировочные синие брюки, сильно смахивающие на те, в которых шеголял Юрий Никулин в «Кавказской пленнице», – с пузырящимися вытертыми коленями и отвисшими, как уши Чебурашки, кармашками на боках.

В правой руке, толстенной, густо поросшей черным волосом, он держал громаднейший дорожный баул, откуда торчал уголок довольно неопрятной тряпки.

Здоровяк зыркнул на Наташу маленькими светлыми глазками, которые казались выцветшими на багровом загорелом лице, и прогрохотал, обдав молодую женщину устойчивыми водочными ароматами:

– Ну, здравствуй, дочка!

– Папа... – растерянно произнесла Наташа. – Ты... здесь? Какими судьбами?

Михал Иваныч уронил баул на пол и, облапив дочь огромными ручищами, прижал к себе так, что едва не переломал ей ребра.

– Сто лет не виделись! Сто лет, Наташка! – рявкнул он басом.

– Ну почему же сто... Меньше трех лет.

– Чего ж ты, жабенция, не приглашаешь отца в квартиру? А? Ну-ну! – Он сверкнул желтыми зубами и ввалился в прихожую, буквально неся на себе ошалевшую от неожиданности, да еще от обилия отцовского тела и голоса, дочку. – Твой-то дома, нет? Не видал зятя-то! Дома?

(Михал Иваныч не попал на свадьбу дочери, благо на момент торжеств подал на развод с матерью Наташи и потому демонстративно не пошел на свадебное торжество. Свиридова он ни разу не видел.)

– Дома твой-то? – повторил Буркин.

Наташа открыла рот и уже хотела было отвечать, как Михал Иваныч сам увидел зябко съездившегося и ерзающего в кресле Лелика и заглушил тоненький голос дочери своим сочным громовым басом:

– А-а... дома! Ну, познакомимся, выпьем! У меня тут есть немнога-а-а!

С этими словами он вытянул из баула две бутылки водки, а потом присовокупил к ним огромную бутылку ядреного самогона, который, как помнила Наташа, мастерски варили в окрестностях Караганды из таких ингредиентов, которые не принято упоминать хотя бы из боязни испортить аппетит. Причем надолго.

Лелик вскочил с кресла, потом снова сел, потом снова вскочил. Неизвестно, сколько бы он так играл в ваньку-встаньку, если бы Михал Иванович двумя огромными шагами не преодолел разделяющее их пространство и не вцепился клешневыми пятернями в худые плечи архитектора, обалдевшего от напора и шумливости невесты откуда взявшегося в квартире Наташи громадного затрапезного мужика.

– Ну, здорово, здорово, зятек! Как тебя, то бишь, зовут-то?

– Ле...

– Че ты там бормочешь? – хохотнул Михал Иванович. Употребив, вероятно, еще в поезде и добавив на вокзале, он находился в превосходнейшем расположении духа.

– Леонид.

– Леонид? Харррошее имя! М-м-м... Наташка, ты же вроде в письме писала, шо он Вадим, то ись Во-ло-дим... мер? Не... Это я, старый дурень, чегой-то перепутал. Значится, Леонид? Ачччень хорошо! Ну что, зятек, давай выпьем за встречу. Я – Михал Иванович, отец твоей Наташки.

– П-похож, – не найдя ничего лучшего, выдавил из себя Лелик.

– Похож?! Ха-ха-ха!! Да ты юморист, зятек! – Михал Иванович выплыл на уровень большого, от пола до потолка, зеркала и впился острыми светлыми глазками, такими маленькими на этом красном мясистом лице, в свое отражение. – Похож! А-ха-ха-ха!! – снова закатился в грохочущем смехе бравый папаша. – Похож я – на Наташку!

Наташа, которая стояла в дверях и переводила взгляд с хохочущего отца на окаменевшего от изумления Лелика, подумала, что стоило бы с самого начала сказать, что Лелик этот – вовсе не ее муж. Хотя нет... Влад придет, быть может, только поздно вечером или вообще утром, а папаша, которого принесло так не вовремя из его гребаной Караганды, да еще вот так, без предварительного звонка, как снег на голову... Папаша человек непредсказуемый и экспансивный, и неизвестно, что он выкинет, если узнает, что муж на работе, а дочка пьет вино в сладкой компании с левым мужиком.

Наташа незаметно подмигнула Лелику и, обняв Михал Ивановича за шею, сказала:

– Ну что... наливай, если вытащил. За встречу. – Она кивнула на выставленные на стол бутылки водки и подумала: «Папа у меня всегда выпить любил, особенно когда из-под маминского контроля выбивался. Может, сейчас напьется, тогда легче будет. Завтра ему скажу, что он по пьянке все не так понял и все перепутал. Пусть Владу и объясняет, ему все по херу. Главное, чтобы он сейчас Лелика не споил. Тот на бухло слабенький, может и головку под крылышко завернуть. Вытаскивай его тогда отсюда в околотрупном состоянии, чтоб Володьке на глаза не попался...»

– Наливать... а-а-а. Это я шас! А ты, дочка, можа, закусончик бы спроворила, а?

– Да, папа, конечно. Леня мне поможет. Мы сейчас, погоди. Посиди пока тут.

И Наташа прошла в кухню, таща за собой за руку упирающегося Лелика, непрестанно что-то бормотавшего и почему-то усиленно ерошившего свои и без того изрядно встопорщенные волосы.

На кухне она начала с молниеносной быстротой стругать салат, раскладывать огурцы и помидоры, резать колбасу, сыр и ветчину и синхронно выговаривать Лелику:

– Ты что, не можешь мне подыграть, Леня? Не видишь, как он завалился неожиданно? Неужели так сложно изобразить моего мужа?

– Да я...

– Да я вижу, что ты! – перебила его Наташа. – Сидел, как пень, глазками дергал.

Лелик обиделся:

– Я тебе что, Иннокентий Смоктуновский, что ли? Намекнула бы, что ли, что так, мол, и так: папа в гости приехал, не того в гостиной застал. Я, может, что и придумал бы... – Лелик замолчал, часто-часто моргая короткими ресницами, а потом наконец договорил: – Немного выпью, а то он так не отпустит, а потом скажу, что мне пора на работу, и – пойду.

– Вот теперь хорошо, – одобрила Наташа. – Только ты посмелее будь, не мямли, а то он тебя мигом выпотрошит. И говори как можно больше: в компании моего папы, Михаила Ивановича, кто больше говорит, тот меньше пьет. Рот занят. Это понятно?

– Да понятно. А почему надо меньше пить? У меня это, завтра выходной. Успею отоспаться.

Диковинная логика Лелика позабавила бы Наташу при иных обстоятельствах, но сейчас было не до веселья: предстояло как-то выкручиваться из замысловатого положения.

– Почему надо меньше пить? А ты сам поймешь, увидишь, по сколько он наливает.

Из комнат донесся плач проснувшегося Димки, а потом голос ребенка был начисто перекрыт торжествующим ревом Михал Ивановича:

– Ай и внук у меня! Ба-агатырррр! И – на папашу похож, кажись! На этого, на Ленку. Глазки и... э-э-э, а нос-то – мой! Крррасный!

– О, вот оно как: тебе уже отцовство шьют, – сказала Наташа, ставя приготовленные закуски на специальную двухуровневую, этажерочного типа мини-тележку. – Помогите мне, что стоишь. Ты же пока что в мужьях числишься.

* * *

Уже через два часа все было кончено.

Лелик, который пил только по большим праздникам и исключительно слабоалкогольные напитки, получил в голову такой могучий спиртово-самогонный удар, что лишь слабо шевелил языком и лепетал полнейший бред. Михал Иванович смотрел на него с неодобрением и очевидным осуждением: еще бы, дочь выбрала себе в мужья совершенно никчемного человека – пить не умеет!

Сам дорогой гость из Караганды выпил полторы бутылки водки, прикончил около литра крепчайшего самогона, на фоне которого упомянутая выше водка казалась просто-таки водичкой, причем даже не газированной. При этом он казался достаточно трезвым, и только то обстоятельство, что он разносил каждое слово секунд на десять, особо упирая на ударные слоги, да еще багровая рожа с обесмыслившимися оловянными гляделками указывали на то, что он пьян и пьян довольно прилично.

– Мыр-гыр... – бормотал Лелик, раскачиваясь на стуле туда-обратно. – Известно ли вам... глубоковва... гулковожам-мый Иван М-михалыч... шта-а архи... архи-тек-турный стиль рококо... ко-ко... архиважный... батенька.

На умильном ленинском слове «батенька» Лелик ткнулся лбом в монументальное плечо Михал Ивановича и вострубил носом. Душа архитектора – вкупе с его телом – жаждала статического горизонтального положения.

– Сла-а-абеньки-и-ий он какой-то, – затянул Михал Иванович. – Тут и пить-то – всего ничего. А он раз – и в отказ.

– Устал он, – сказала Наташа, лихорадочно просчитывая в мозгу, что же делать дальше, – с ночной смены вернулся. Поесть толком не успел – а тут ты...

– Дык я ж не это, не знал. А хороший он у тебя мужик, дочка. – Папаша полез целоваться и приложился к Наташиной щеке своей колючей харей так увесисто, что голова дочери дернулась назад и мягко ткнулась затылком в спинку кресла. – Ничевво, проживем. Я смотрю, вы не бедно живете. А мать недавно говорила: надо к тии-и-ибе съездить. Я с ней опять тово,

сошел-си. Наташку навестить, как она там? Ну... я и поехал. А сколько-и тут комнат? В этой квартире? Ты-ри?

– Нет, четыре.

– О-о! Вот видишь: че-ты-ре. За это надо выпить. Непременно. Выпьешь со мной, дочка?

– Нет, папа, спасибо.

– Гм... а ты, Ме... бе... ле... Н-не... колай? – И он нежно погладил затылок спавшего у него на плече Лелика. От этой нерасчетливо дозированной нежности Лелик свалился на пол, подскочил, выпучив глаза, и пробормотал:

– Вертолетики... вертолетики. Крольчата...

И снова заснул.

– И он не хочет, – резюмировал Буркин.

В этот момент зазвонил телефон. Наташа сняла трубку. Звонил Влад.

– Я сегодня не приду ночевать, Наташка, – проговорил он. – Шеф сказал: есть работа. Извини меня, пожалуйста. Так получилось.

Виноватый тон, которым были сказаны эти слова, не насторожил Наташу, как оно было бы, будь это при других обстоятельствах. Она вышла в другую комнату (благо пользовалась радиотелефоном) и сказала строго, но строгость эта была подпущена скорее по обязанности, чем искренне:

– Мне надоело это, Володя. Когда это кончится?

– Сегодня. То есть завтра. Завтра я приду, и мы поедем с тобой на турбазу, – заверил ее Свиридов. – Или хочешь – на дачу на шашлыки? А?

– А когда ты придешь?

– Я же сказал – завтра.

– Утром?

– Ну, постараюсь утром. А может, ночью часа в три.

Когда Наташа вернулась в гостиную, ее ожидала трогательная сцена: на полу спал Лелик, а возле него, на ковре же, уткнувшись большой круглой головой в бок новообретенного горе-«зятка», храпел Михаил Иваныч. Его огромная рука сжимала вилку с нанизанными на нее кусочками ветчины.

Наташа вздохнула и пошла в детскую, где снова расплакался Димка.

Глава 4

НОЧНЫЕ ЗАБАВЫ ВЛАДА СВИРИДОВА И АФАНАСИЯ ФОКИНА

Частный детектив Александр Краснов подкатил на своей светло-бежевой «девятке» к старинному двухэтажному зданию, расположенному в престижном месте в центре города. Первый этаж этого здания был занят под ЧОП (частное охранное предприятие) «Конунг», в котором работал муж Натальи Свиридовой Владимир.

Было уже достаточно поздно, но у офиса «Конунга», среди полудесятка других машин, еще стоял красный «Фольксваген Пассат», принадлежавший Владу. В тот момент, когда девятка Краснова подрулила к зданию, из «Фольксвагена» вышел, на ходу выразительно застегивая ширинку, атлетического телосложения молодой мужчина, в котором детектив узнал мужа Натальи. Да, несомненно – это был Влад. Хотя в свете фонарей видно не очень хорошо.

Вслед за ним из салона вывалилась молоденькая девица, размалеванная, как индеец, вышедший на тропу войны, в коротенькой юбке и темной блузке. Она наклонилась к боковому стеклу, подводя губы, и Александр усмехнулся, подумав, что это, вероятно, одна из тех дешевых уличных шлюшек с главной секс-артерии города, Вятской, что промышляют оказанием экспресс-услуг.

(То бишь минетом в салоне машины за столтник или вовсе за полтинник.)

Детектив-«колобок» усмехнулся: Влад не очень-то эстетствовал в плане удовлетворения своего основного инстинкта. Шел по пути наибольшей экономии времени и денег.

Краснов положил на колени заранее включенный ноутбук с подсоединенным к нему прибором для декодировки шифра сигнализации, поймал момент, когда Владимир нажал на кнопку «дистанции», включив противоугонное устройство. Сыщик глянул на экран ноутбука и коснулся клавиатуры, фиксируя полученный результат.

Есть. Код определен.

Краснов вышел из машины вместе с полуприкрытым ноутбуком, огляделся по сторонам и, приблизившись к свиридовскому «VW», ввел код сигнализации. Авто пикнуло, щелкнул блокиратор, открывая центральный замок, и Краснов потянул дверцу машины на себя.

Дальнейшее заняло буквально несколько секунд. Детектив вынул из кармана мини-тюбик «Суперклея» и небольшую коробочку, в которой, словно жук, шуршало что-то небольшое и твердое.

Это было профессиональное устройство слежения, включающее в себя маячок, подающий пеленги на радар и отслеживающий координаты своего местонахождения, и микрофон.

Затем детектив Краснов выдавил на палец каплю клея, просунул этот палец через решетку вентилятора и смазал находящуюся внутри пластинку, предназначенную для направления воздушных потоков. Потом мазнул клеем приборчик и приложил его к пластинке.

Через три секунды прибор был зафиксирован.

Толстый детектив бесшумно прикрыл дверцу и снова ввел код: «Фольксваген» пикнул и послушно включил сигнализацию.

Дело было сделано. Краснов вернулся в свою «девятку», оставленную чуть поодаль, и, удобно расположившись в кресле, вывел на экран ноутбука схему города, укрупнил локализованный участок, на котором он сейчас находился, и активировал радар.

На экране появилась светящаяся зеленая точка. Она была неподвижна, потому что не двигалась припаркованная к офису «Конунга» машина Владимира Свиридова...

* * *

Владимир вошел в офис. В кабинете директора уже собрались несколько рослых парней из его бригады: именно они сегодня вышли на это форс-мажорное, неведь откуда наклонувшееся дежурство.

Директор, Анатолий Павлович Липский, был сильно чем-то озабочен. Он поглаживал пальцами массивный бритый подбородок и шурил на всех присутствующих и без того узкие, восточного типа, темные глаза (кажется, мать Анатолия Павловича была кореянка, вспомнил Влад, ловя на себе цепкий взгляд этих двух светящихся раздражением и энергией щелочек под густыми темными бровями).

– А, Свиридов, – сказал Анатолий Павлович. – Проходи, присаживайся. Ну что, съездил в Пензу?

– Съездил, Анатолий Палыч.

– И каковы результаты?

– Отдал деньги, этого раздолбая выпустили под залог. Все в норме.

– И очень хорошо, – с удовлетворением сказал шеф. – А сейчас он где?

– Там, где... Куда вы его сказали, – лаконично ответил Владимир.

– Понятно. В общем, Вован, тут такие дела нехорошие. Еще непонятка наклонулась, стало быть. По телефону я тебе всего не сказал, вызвал на ковер вместе с ребятами. Сейчас поедете.

Свиридов присел на диван рядом с Афанасием Фокиным, украдкой, за спиной Липского, попивавшим пиво, излечивая таким образом страшный абстинентный синдром, в просторечии именуемый бодуном. Фокин толкнул его локтем в бок: дескать, не засвети мое пиво, а то Липский опять будет грозить зевесовыми молниями вплоть до увольнения.

– Есть дело, – коротко сказал Анатолий Павлович и нервно постучал полусогнутым пальцем по столу, призывая ко вниманию. – Влад, буду говорить тебе: остальным слишком долго объяснять.

Свиридов кивнул.

– Тебе известно, где находится «Юниверс-РУ»? Ты там не работал, но должен знать.

Владимир кивнул:

– Знаю. Ночной клуб. Интернет-кафе. Это на Второй Садовой, так?

– Вот именно. Директор этого заведения, Рублев, полгода назад прибег к услугам нашего агентства. Номинально. Я тогда говорил с шефом, и он определил процент, который будет отчислять с прибылей в нашу кассу Рублев, – продолжал Анатолий Павлович. – Вполне разумные деньги. Так вот, проходила проверенная информация, что у Рублева есть черная касса. Шифруется не только от нас, падла, но и от налоговой. Но мы-то не налоговая, сами понимаем...

Сидящий в углу бритоголовый паренек с круглым лицом, на котором плавало остекленело-мудрое выражение орангутанга, на секунду решившего отказаться от гримасничанья, тупо заржал. Анатолий Павлович вскинул на него суровый взгляд, и амбал осекся, пробормотав:

– Да я-то че...

– А не далее как вчера, – с выражением продолжал Анатолий Павлович, – всплыла еще одна милая тема: оказывается, этот Рублев сбыл огромную партию оргтехники на общую сумму около двухсот тысяч долларов.

Свиридов присвистнул. Фокин отставил допитое пиво за диван и сделал заинтересованное лицо, благо взгляд шефа остановился как раз на нем.

– Информация точная. По крайней мере, порядок суммы тот. Мы раскололи курьера. Тебе все понятно, Влад?

– Ехать в «Юниверс»? – произнес тот.

– Да. Разберись с этим. Окончательно. Чтобы впредь было неповадно. А то не по чину берет: сам – Рублев, а крысит в баксах.

– Палыч, – произнес заерзавший рядом с Владом Афанасий Фокин, – но там же пацаны из наших. Самсон и Круглов. Их как?

– Они у входа, – сказал Анатолий Павлович, – на фэйс-контроле. Так что они не при делах. Я специально поставил именно их: недавно они прокололись с той девкой из «Мене-стреля», подставили ее под пули черных. Поедешь ты, Володя, и, пожалуй... ты, Афанасий. Тэ-э-эк-с. – Он подозрительно втянул воздух ноздрями и свирепо наершился: – Ты, значит, опять зяхнул?

– Чево? – пробормотал Фокин. – Чего зяхнул-то?

– Пил! Кстати, хотел тебя спросить: что ты там такое на футболе учинил, что мусора на тебя так взъярились? Грозилась вообще посадить, еле отмазал тебя.

– Пришел на футбол, – ответил Афанасий, – никому не мешал, смотрел матч, ну, выпил немного, покричал... Так ведь на футбол и ходят, чтобы поболеть за любимую команду, поорать кричалки, пивцом поразмяться.

– «Пивцом поразмяться»! Болельщик! А кто стащил сержанта с лошади и швырнул им в рабочую камеру оператора с телевидения?

Амбалы из «Конунга» хмыкнули. Фокин, чувствуя их безмолвную поддержку, с невинным видом пожал плечами.

– Это надо же – кинуть мусором в камеру! – продолжал разоряться г-н Липский. – При чем не каким-нибудь там мусором, типа кульком из-под семечек, пакетиком из-под чипсов или орешков к пиву, а самым что ни на есть натуральным мусором – в погонах, форме и фуражке!

– Зато Афанасий может похвастаться тем, что он первый из жителей города кинул мусора в камеру, а не мусора кинули в камеру его, – негромко отметил Свиридов, и его слова покрыл общий гогот.

– Смотри, Фокин, дождешься ты у меня! – Под аккомпанемент этого смеха Анатолий Павлович погрозил пальцем и отвернулся, а когда развеселившиеся сотрудники «Конунга» утихомирились, Липский, не глядя на Афанасия, подтвердил свое распоряжение минутной давности:

– Поедешь со Свиридовым. Больше не пей. Когда все выполните, выпей хоть два литра, а до того – ни-ни! Понятно тебе, Афанасий?

– Понятно, – пробурчал Фокин, злобно глядя в пол.

– Вот и чудно. Пойдут к Рублеву Свиридов и Фокин, остальные пусть сидят в машине. Свиридов – наверх, к Роману Ильичу, а ты, Фокин, постоишь с Самсоном и Кругловым на входе. Заговоришь им зубы, пока все не кончится. Все вам ясно, ребята?

– Куда уж яснее, Анатолий Палыч, – невесело сказал Влад. – Все усекли.

– Вот сволочь, – сказал Фокин, когда он и Свиридов вышли из «Конунга», – пидор косо-глазый. Диктует нам, как лохам залетным.

– А мы для него такими и являемся, – процедил Свиридов.

– Да я таких, как он, на х... вертел еще лет пятнадцать назад! – грубо выговорил Афанасий Сергеич. – Дятел! Не знает, с кем дело имеет!

Свиридов грустно посмотрел на Фокина и сказал:

– Да знает. Знает. С убийцами он дело имеет. Сколько волка ни корми, а он... Вот и мы с тобой такие же, Афоня, волки. Никак не умолкнет в нас музыка «Капеллы», как говорил полковник Платонов, царство ему небесное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.